Цыц!

Автор:
Екатерина Вильмонт

Цыц!

Екатерина Николаевна Вильмонт

Лиля, PR-менеджер в крупном издательстве, развелась с мужем. Ее мать, знаменитая актриса считает, что развод только трамплин. И в самом деле, в тот же день происходит встреча, повлекшая за собой целый ряд захватывающих событий и волнующих приключений. Казалось бы, героиня встретила свою любовь. И вдруг… встреча с первой любовью…

Безумно увлекательная история, наполненная любовью, забавными событиями, способными перевернуть жизнь и воплотить мечты, и конечно, неповторимый задорный оптимизм!

Екатерина Вильмонт

Цыц! (роман-пустячок)

Из подъезда загса вышли мужчина и женщина. Моросил мелкий дождь.

– Ну пока, – бросил мужчина, поднял воротник плаща и взглянул на часы.

– Счастливо тебе! – тихо ответила женщина и полезла в сумку за зонтиком. Зонтик был красивый, красный в редкий черный горох. Она спустилась с крыльца. Но тут, обдав ее брызгами, на полной скорости подкатила ярко-алая спортивная машина. Женщина под зонтиком оглянулась. Из машины выскочила блондинка лет двадцати и кинулась на шею мужчине.

– Денис! Какое счастье!

– Зачем ты выскочила, льет же! – радостно засмеялся он и покосился в сторону женщины под зонтиком.

Та отвернулась и прибавила шаг. Как банально, подумала она. Юная блондинка в красном авто. Почему-то в сериалах роковые разлучницы обычно именно такие – блондинки в красных авто, и лишь в сериалах, которые снимают в Киеве, авто, как правило, ярко-желтые. Ну что ж, все правильно. Мы с ним не пара. И хорошо, что развелись. Слава Богу, без дрязг и грязи. Он просто ушел. И Бог с ним, а я начну новую жизнь. Без него. Завтра вечером уеду к маме в Питер.

И тут зазвонил мобильник. Мама!

– Мамочка, все!

– Поздравляю, Лилёнок! Поверь моему опыту, развод это трамплин, а вовсе не горе! Ты билет взяла?

– Конечно. Я приеду завтра вечером.

– Лилёнок, но вечером я не смогу тебя встретить, у меня же спектакль. И Мироныч в отъезде. Впрочем, я что-нибудь придумаю.

– Мамочка, не надо ничего придумывать, я просто возьму такси.

– Ерунда, я все устрою, тебя встретят. Скажи, все прошло спокойно?

– К счастью, да.

– Ну и прекрасно, а завтра вечером мы с тобой наговоримся! Все, Лилёнок, я тебя целую, надо бежать, съемка!

Поразительный человек мама, с улыбкой думала Лиля. Развод – трамплин! Три развода и все легко и без истерик. А отца у Лили не было. То есть, кто-то ее,

разумеется, зачал, но когда она спросила о нем у мамы впервые, лет в пять, мама пробормотала, что он уехал в Америку. Лиля почему-то не поверила и спросила у бабушки. Та пожала плечами и сказала странную фразу «Он вольная птица». Лиле представилось, что ее отец это орел, которого она видела в горах, когда ездила с бабушкой на Кавказ. Второй раз она задала матери этот вопрос перед своим замужеством. Подумала, может, теперь уж мать скажет. А та глянула на нее своими прекрасными глазами нефритового цвета, засмеялась и проговорила:

– Лилёнок, ей Богу не знаю, их было двое, но обоих уже нет в живых, не все ли тебе равно? А вот что гораздо важнее, моя девочка, знать накануне свадьбы: твой муж обязательно будет тебе изменять. Обязательно! Будь к этому готова. И, при случае, тоже изменяй ему. Только без истерик, и тогда ваш брак будет вполне гармоничным. Поверь своей маме, у меня большой жизненный опыт.

Думать о маме была куда приятнее, чем о бывшем муже.

Едва войдя в квартиру, Лиля поняла – надо немедленно заняться уборкой, чтобы, когда она вернется из Питера, ничто не напоминало о семейной жизни. Легко сказать! И все-таки… Она переоделась и взялась за уборку. Вещи свои Денис забрал, но какие-то мелочи все-таки попадались. Два белых носовых платка, из-за которых он вечно к ней придирался. Не так погладила, не так накрахмалила. О, с каким наслаждением она выкинула эти платки в мусорное ведро! Туда им и дорога, так же как и набору щеток и мазей для обуви. Он вечно возился со своими туфлями, доводя их до невероятного блеска. Лилю всегда удивляло, как, даже в самую грязь, его ботинки оставались чистыми. Тьфу! Он еще может заявиться за этим добром, а я скажу, что выкинула все к чертям собачьим! А вот и футболка, которую я привезла ему из Германии, красивая, дорогая. Дольче и Габанна. Интересно, он забыл ее или нарочно оставил? А впрочем, футболку я и сама могу носить, она такая клёвая! И вспоминать его в связи с ней не буду, он ведь ни разу так ее и не надел. Лиля примерила футболку. Она была ей велика, но выглядела классно. Даже, можно сказать элегантно. И ничто в душе не шелохнулось. Отлично! Она сняла футболку, аккуратно повесила на плечики. В ванной обнаружилась бритва-жиллетт, в помойку! Флакончик с остатками мужского одеколона. Туда же! Вскоре набралось целое ведро. Лиля решила сразу отнести его в мусоропровод. Поднялась по лестнице на пролет и по привычке глянула в окно. К подъезду сломя голову несся какой-то мужик. Вот оглашенный, подумала она, и тут же увидела двух типов, которые, видимо,

гнались за ним. Как в кино! Они растерянно огляделись, видимо не заметили, куда он скрылся. Переглянулись, и один бросился к соседнему подъезду, а второй вбежал вслед за парнем.

Лиля прислушалась. Кто-то мчался вверх по лестнице. Лиле стало не по себе. Она быстро выкинула мусор и вбежала к себе в квартиру. И чуть не завопила от страха. В прихожей стоял беглец, бледный, с капельками пота на лбу и прижимал палец к губам. От страха она совершенно растерялась. А он захлопнул дверь.

– Ради Бога, не бойтесь, я не причиню вам вреда, только пережду… Простите, у вас была открыта дверь, и я решил, что это судьба.

– А кто эти люди? Менты? – прошептала она.

– Нет. Бандиты.

– А вы кто?

– Просто человек. Я скоро уйду, не волнуйтесь.

Как в кино, опять подумала Лиля.

И тут в дверь позвонили. Незнакомец побледнел.

– Не открывайте!

Но Лиля знала по сериалам, что надо делать. Она указала на стенной шкаф. Он залез туда. Она открыла дверь.

Там стоял один из преследователей.

– Здрасте, девушка. Извините, к вам сейчас никто не заходил?

– Кто? – прикинулась дурочкой Лиля.

– У вас только что захлопнулась дверь.

– И что? Я ходила в мусоропровод. – И рукой в желтой резиновой перчатке она указала на пустое мусорное ведро. – А вы по какому праву спрашиваете?

– Так я это… из милиции.

– А удостоверение у вас есть?

– Есть, а как же. – И он вытащил из кармана красные корочки. Но он не на такую напал. Она знала, как настоящие менты держат этот документ.

– Так что вы от меня хотите? Кого вы ищете?

– Кого? Преступника, девушка. Он вбежал в ваш подъезд, а у вас хлопнула дверь.

– Это такой в клетчатой рубашке?

– Точно! Вы его видели?

– Да! Он побежал мимо меня наверх, я чуть ведро не уронила. Так что здесь вы только время теряете, товарищ капитан. Скажите, он что, бандит?

Но «капитан» ее уже не слушал. Он кинулся вверх по лестнице. Ай да Лилька! – сказала она про себя. Вот это приключение! И она с торжеством захлопнула дверь. Молча открыла шкаф.

– Ну, вы даете! – едва слышно выдохнул он. – Я уж решил, что вы меня сдадите. Ну и присутствие духа у вас!

– Присутствие духа? Вы что, книжки читаете?

– Представьте себе, случается.

– Ой, мамочки, у вас кровь! – ахнула она. – Вы ранены? В вас стреляли?

– Никто в меня не стрелял, а это так, ножичком полоснули. А я и не заметил. Да пустяки, царапина.

– Ничего себе царапина! Снимайте рубашку, надо промыть!

– Чем? – побледнел он.

– Водкой. Или нет, лучше бальзамом Биттнера.

– А это не больно?

– Обалдеть! Его ножом полоснули, он и не заметил, а бальзамом Биттнера смазать – страшно?

– А помните у Д’Артаньяна был какой-то, кажется, матушкин бальзам?

– Надо же! Да, помню! Думаю, у старика Биттнера бальзам не хуже.

Он стал снимать рубашку.

– Ах черт, присохло!

Царапина на предплечье была длинной, но неглубокой. Потекла кровь. Он опять побледнел.

– Сядьте. Успокойтесь. Сейчас все сделаю.

А у него роскошный торс, подумала Лиля. Она осторожно промокнула кровь ваткой, смоченной в бальзаме.

– Ой, щиплет!

– Потерпите, неженка! Так, а теперь йод!

– Нет, только не йод, лучше пластырь.

– И вам не стыдно?

– Ни капельки. А у вас нежные руки. И красивые.

– Цыц!

– Понял. Молчу. Послушайте, как вас зовут?

– А вам зачем?

– Надо ж знать, за кого свечку ставить.

– Помолчать можете?

– Нет, это у меня нервное.

– Ну вот и все. А вы боялись.

– А чем это вы мне руку заклеили?

– Это липкий бинт. Он лучше пластыря. По крайней мере пропускает воздух. Ой, а что если…

– Что?

– А вдруг они вас найдут по пятнам крови? Они видели, что ранили вас?

– А черт их знает.

– Вот что… Сидите тут тихо, а я выйду погляжу.

– Бросьте, это ерунда.

– Ничего не ерунда.

Она осторожно выглянула на площадку. Никого. Прислушалась. Тихо, только из соседней квартиры доносятся звуки виолончели. Никаких следов крови ни на площадке, ни на лестнице не было. Она облегченно вздохнула.

– Слава Богу все чисто, – шепотом доложила она.

– А вы храбрая.

– Да нет, просто смотрю много сериалов.

– А при чем тут сериалы? – поразился он.

– Там такие истории часто случаются.

– Да ладно вам. И все-таки, как вас зовут?

– Лилия Андреевна.

– А меня просто Артем. Спасибо вам, Лиля. Я, пожалуй, пойду.

– Куда?

– Домой, переодеться надо и вообще.

– Как глупо.

– Почему?

– Да потому что они первым делом заявятся к вам домой.

– Да нет, они же не знают, кто я такой. Просто вышла потасовка, случайно, я вступился за девушку, ну и…

– А если они вас ждут во дворе?

– Да, возможно, но вряд ли долго будут ждать.

– А вот я сейчас посмотрю.

Она опять поднялась к мусоропроводу.

Во дворе никого подозрительного не было видно.

– Сидят, ждут на лавочке, – соврала она. Ей было жаль отпускать его. Он ей понравился.

– Черт!

– Вы куда-то спешите?

– Да нет уже, я всюду опоздал. Лиля, я вас не задерживаю?

– Нет. Я никуда не спешу. Да, кстати, вы, наверное голодны, у меня от волнения всегда зверский аппетит.

– Да, пожалуй, я не откажусь от бутерброда.

– Ну зачем такой минимализм? У меня есть обед.

– Вы замужем?

– Уже нет! Сегодня развелась.

– Он, конечно, был монстр?

– Да нет… Ой, знаете, я только сейчас сообразила, что впредь можно не готовить обед! Вот дура я, мы уже два месяца жили врозь, а я все равно готовила эти идиотские обеды. Нет, меня мало выпороть! Дура! Идиотка!

– Перестаньте себя ругать! Я очень рад вашей глупости! Так вкусно пахнет!

– Сейчас-сейчас, я накрою стол…

Он смотрел на нее с удовольствием. Какая милая, нежная, храбрая и на кого-то мучительно похожая… И ситуация до ужаса романтическая.

– Лиля, а можно мне руки помыть?

– Да-да, конечно. И кстати снимайте вашу рубашку, в таком виде нельзя на люди… Вот, наденьте.

И она протянула ему футболку «Дольче и Габанна».

– Но она же новая…

– И что?

– Ну неудобно…

– Очень даже удобно. Не мне же в ней ходить. Это вам приз за то, что отвлекли меня от всяких дурацких мыслей после развода.

– Ну вот еще! Вторгся к одинокой женщине, да еще и приз за это…

– Все бабы дуры! – засмеялась она. – И не надо на меня так смотреть. С меня достаточно вашего спасибо. И я вовсе не одинока…

– Понял. Но, Лиля, согласитесь, есть что-то символическое в нашей встрече именно в этот день, когда вы… освободились…

Разумеется, она тоже так считала, но боялась… Отчаянно боялась влюбиться в него.

Он ушел в ванную и вскоре вернулся в новой футболке. Ах, как она на нем сидела! Он выглядел так сексуально, что у нее зазвенело в ушах. Лилька, держись, в конце концов он просто первый встречный и вовсе неизвестно, может, он как раз бандит. Почему у каких-то уличных хулиганов милицейские

корочки? Может, это и впрямь была милиция? Хотя вряд ли милиционеры бегают с ножичками…

Вероятно, все ее мысли отразились на лице, потому что он вдруг улыбнулся широко – ужас, до чего обаятельная улыбка! – и сказал:

– Честное слово, Лилечка, я не бандит, не брачный аферист, а эти типы не менты!

– Ладно, садитесь. Ешьте.

– Ох, как вкусно!

На нее вдруг навалилась усталость. С ней так бывает. И тогда ей необходимо прилечь хоть на десять минут.

– Простите, пожалуйста. Вы тут ешьте, возьмите там бефстроганов, картошку, пейте чай, а мне необходимо минут десять полежать. У меня так бывает.

– Да-да, разумеется.

Она пошла к себе в комнату, прилегла и мгновенно провалилась в сон.

Когда через полчаса она вышла на кухню, со стола все было убрано, посуда помыта. А его не было.

– Артем! – испуганно крикнула она.

– Я здесь! Лиля, кто эта женщина на портрете?

– Это моя мама!

– Полина ваша мать? – потрясенно спросил он.

– Вы знаете маму? – удивилась она. Хотя чему удивляться, ее маму знает чуть ли не вся страна.

– Да. Как причудливо иной раз шутит жизнь. Знаете что, Лиля, я сейчас вызову такси и даже если эти придурки там дежурят, за машиной они не угонятся. Я и так отнял у вас слишком много времени.

Его тон неуловимо изменился. И она не стала возражать. Она сразу поняла – он наверняка был любовником ее матери.

А он опять словно прочитал ее мысли, а на самом деле просто увидел как потухли ее глаза.

– Лиля, поверьте, я просто знаком с вашей мамой, не более того. У нас есть общие друзья. Но я и предположить не мог, что у нее такая взрослая прелестная дочь.

Она хотела что-то сказать, но он не дал ей.

– А Полиной я назвал ее потому, что ваша мама не любит, когда ее называют по имени-отчеству. В отличие от вас, по-видимому. Вы сразу представились Лилией Андреевной.

– Да, меня раздражает эта нынешняя манера всех звать без отчества, несмотря на возраст. Мы же в России живем, так почему надо отказываться от отчества? – быстро заговорила она, чтобы скрыть смущение. Он слишком явно демонстрировал свою проницательность.

Он тем временем пытался вызвать такси.

– Черт знает что, в ближайшее время не обещают. Пробки, черт бы их побрал.

– Да сидите, кто вас гонит? Хотите кофе?

– Я смотрю у вас хорошая кофеварка. Если можно.

– Можно, я же сама предложила.

Тут позвонили в дверь. Лиля удивилась. Звонок был знакомый. Так всегда звонил ее муж. Что бы это значило?

Артем вопросительно взглянул на нее.

– Это ко мне, – сказала она. И все же спросила: – Кто там?

– Лиля, это я. Я забыл кое-какие документы. Они в секретере.

Она открыла дверь.

– Вот не чаяла тебя сегодня еще увидеть. Впрочем, иди, бери.

И она вернулась на кухню.

– Не беспокойтесь, это мой бывший муж, – нарочито громко сказала она. Ей понравилась эта анекдотическая ситуация. Она была уверена, что Денис явится на кухню. Она хорошо его знала.

И не ошиблась.

– Здравствуйте, а ты, я смотрю, времени не теряешь, – довольно злобно заметил бывший супруг.

– Денис, я теперь свободная женщина.

– Свободная не обязательно блядь!

Артем угрожающе поднялся из-за стола.

– Я не позволю вам оскорблять женщину в моем присутствии.

– А у вас уже моя футболка. Ну-ну!

– Ты все взял?

– Да. А где мои щетки для обуви?

– В мусоропроводе.

– А кофе ты мне не предложишь?

– Нет. Ты здесь лишний, Денис.

– Я, судя по всему, помешал?

– Да, ты помешал нам с Артемом отпраздновать мое освобождение. Так что иди, у тебя есть твоя юная блондинка, отпразднуй с ней свое освобождение.

– Ну-ну, куда ты катишься? Ты сейчас так вульгарна!

– Так, кажется, все-таки придется поучить вас, как надо разговаривать с женщинами…

– Да ухожу я, ухожу.

– Вот и славно!

Денис в бешенстве выскочил в прихожую и уже от двери крикнул:

– Прошу прощения за коитус интерруптус!

С этими словами он захлопнул дверь.

Лиля покраснела, а Артем расхохотался.

– А ведь он вас любит, – со вздохом произнес Артем. – И безумно сожалеет о своем поступке.

– Ерунда, он просто собственник. И самонадеянный тип. Думал, что я сижу тут в слезах. Спасибо вам! Вы тут оказались весьма кстати. Да, если вы так вступаетесь за женщин, не удивительно, что вы сюда попали… Вас часто бьют?

– Лиля, а почему вы, такая милая, нежная, рявкнули на меня и сказали «цыц»? Как-то это с вами не вяжется.

– Я сказала вам «цыц»? Не помню.

– Сказали, сказали! И в этот момент я в вас втюрился.

– Да ладно!

– Честное слово.

– Пейте лучше кофе, рыцарь!

– Ох, какой кофе! Я в какой-то момент испугался, что ваш экс-супруг заберет кофеварку.

Лиля рассмеялась.

– Да нет, он не такой. Он ничего не забрал, кроме своих вещей.

– И на том спасибо.

У нее сердце выпрыгивало из груди. Неужто он и вправду в меня втюрился? А я в него уже по уши… И что будет теперь? Впрочем, завтра я уезжаю к маме. Ничего это влюбленность рассосется сама собой. Ни к чему это сейчас.

– Лиля, это судьба.

– И что?

– Я не знаю… Только чувствую – все неспроста.

Он шагнул к ней, привлек к себе.

– Лилечка! – шепотом, на ухо произнес он.

А она вдруг очень ясно увидела, что случится дальше. Они проведут вместе восхитительную ночь, утром он уйдет, наобещав с три короба, она уедет и больше они не встретятся. Для него это будет просто забавный эпизод, а для нее долгая и совершенно никчемная мука. Тогда зачем?

– Лилечка, милая, я хочу тебя.

– Цыц! – решительно сказала она. – Это не мой жанр. К тому же завтра я уезжаю в Питер. К маме. Рада была вам помочь.

– Ну что ж, как угодно даме. Я, пожалуй, пойду. Но я знаю твой адрес. И обязательно нанесу визит, когда ты вернешься.

Денис был вне себя. Он чего угодно ожидал, но чтобы такое… Что за наглость! Да еще футболку ему отдала. Мне, правда, она не нравилась, и я ее оставил, но тем не менее. Отдышавшись немного, он подумал: А чего я, собственно, так взбеленился? Лилька уже не жена мне, я сам от нее ушел и футболку оставил. Я что, собака на сене? Или дело в том, что я не очень-то хочу жениться на Светке? Первый угар прошел, а говорить-то с ней о чем? Этой проблемы с Лилькой не было. Она, конечно, не так хороша как Светка, но… А впрочем, пошли они все к черту! Что одна, что другая… Надо позвонить Валерке. Он, помнится, предлагал мне работу за границей. Самое милое дело слинять сейчас за кордон. Светка вряд ли за мной увяжется… Хотя, боюсь, без штампа в паспорте она меня не отпустит. И за каким чертом ей это штамп, если я уеду? Им кажется, это цепь, на которую они нас сажают. Ну и дуры! Хотя Лилька вовсе не стремилась узаконить наши отношения, я сам настоял… Дурак… Хотя почему дурак? Она сразу дала развод, без звука… Интересно, почему? Наверное у нее уже давно шашни с этим типом… Да, друг мой Деня, ты, видно, из той породы мужей, которые обо всем узнают последними. Нет, дорогие дамы, в ближайшие годы вы меня в новый брак не загоните. Это надо же, клюнуть на юную блондинку… Где твои мозги были? А впрочем, известно где. Недаром же дед называл меня в юности Дэнис-пенис!

Едва захлопнулась дверь за Артемом, Лиля позвонила подруге Милке, живущей в соседнем доме.

– Мила!

– Ой, Лилечка, ну ты как? – спросила подруга полным сочувствия голосом.

– Ты не поверишь, когда я расскажу тебе, что случилось.

– Денис отказался разводиться?

– Да нет, дело не в Денисе, хотя и с ним тоже не все так просто.

– Короче, надо увидеться?

– Необходимо!

– Ты ко мне, я к тебе или на нейтральной полосе?

«Нейтральной полосой» называлось кафе в соседнем переулке.

– Давай в «Полосе» через полчасика.

– Годится. Лиль, хоть намекни…

– Не буду. Неинтересно.

– Я умру от любопытства.

– Доживешь! Пока.

– Ну? Говори!

– Постой, давай сперва закажем. Девушка, мне, пожалуйста, кофе «латте», мороженое с орехами и струдель с вишнями.

– Лиль, ты сдурела?

– Нет. Нисколько. Просто сладкого хочется.

– А мне двойной эспрессо и… панакотту. Ну, ты долго будешь меня мучить?

– Нет. Слушай…

Мила слушала, затаив дыхание.

– И ты так просто его отпустила?

– Ну да…

– Обалдеть… Лиль, а ты, часом, не придумала это все? Очень уж смахивает на сериал?

– Хочешь, пойдем ко мне, покажу тебе его окровавленную рубашку?

– Ошизеть! Только не говори мне что ты осталась к нему равнодушна!

– А я и не говорю… Просто я решила – не надо спешить. Поспешишь, себя насмешишь. В конце концов он знает, как меня найти, даже в Питере, захочет, найдет, а нет, значит, я оказалась права.

– Погоди, расскажи-ка мне, как он выглядит?

– Выглядит… Классно он выглядит. Большой, накачанный…

– Ну, если уж такой накачанный, чего ж спасался бегством от каких-то ханыг?

– Видно, сумел рассчитать свои силы, и потом у них было перо…

– Лиль, я тебя умоляю… Эта уголовно-киношная лексика в твоих устах… А глаза у него какие?

– Серые, с ободком вокруг зрачка…

– Сероглазый король?

– Да ну, сероглазый король умер, а я не хочу…

– Ох, не занудничай! А губы, какие у него губы? Тонкие?

– Нет, то есть верхняя довольно тонкая, а нижняя… Одним словом, с ума сойти, какой рот.

– И ты с ним даже не поцеловалась?

– Нет.

– Поздравляю, подруга!

– С чем?

– Он у тебя в кармане.

– Да почему?

– Да потому! Если такой мужик, наверняка, имеющий успех у баб, вдруг обломался, да еще в такой идеальной романтической ситуации, у него точняк снесет крышу. Точняк!

– Поживем – увидим!

– Погоди, теперь еще и Денис к тебе скоро приползет. Они, мужики, все такие. Главное – их не любить. Тогда они у тебя в кармане.

– Но если не любить, то зачем?

– Здрасьте – приехали! От мужика много пользы.

– Но вреда как-то больше…

– Спорная точка зрения. Но и не вовсе лишенная оснований.

Хотя Лиля ехала дневным сидячим поездом, но почти всю дорогу спала. Сказалась бессонная ночь накануне. Ведь после всех событий минувшего дня она так и не смогла сомкнуть глаз. Она проснулась за полчаса до прибытия в Питер, подкрасилась, причесалась. И вдруг ей в голову стукнуло – а вдруг Артем примчится в Питер, встретить ее? А что? Вполне возможно… Такой может… И что тогда делать? Ах, это неважно… Тогда все будет так, как захочет он… Я могу позвонить маме и предупредить, что… Да, я скажу Софье Яновне, что… А что я ей скажу? Просто скажу, чтобы они не волновались, со мной все хорошо… И сладко замерло сердце… Почему-то я уверена, что он меня встретит, он должен, он просто не мог поступить иначе. Вполне возможно, он приехал как раз ночным поездом, нашел пристанище для нас и встретит меня с букетом цветов… Скорее всего это будут пионы… Сейчас сезон пионов. Я загадаю, если это будут пионы, то…

И тут поезд остановился. Она взяла свой чемодан и повезла к выходу. Почему так светло? Ах да, белые ночи. Она сошла на перрон, растерянно озираясь. Он опаздывает, успокоила она себя. В Питере тоже пробки будь здоров! Ничего, подожду минут… десять – пятнадцать. Хотя эффект будет уже не тот. Народ спешил к выходу, ее довольно бесцеремонно толкали. Вдруг она заметила, что кто-то почти бежит ей навстречу с букетом пионов. Лица за букетом не видно… Сердце ушло в пятки. Нет, это не он.

– Простите, вы Лиля? – спросил запыхавшийся мужчина.

– Я, – упавшим голосом сказала она.

– Ради Бога, извините! Меня Полина просила вас встретить, а я попал в пробку… Давайте ваш чемодан. Идемте скорее, я машину поставил в неположенном месте.

– Спасибо, – пробормотала разочарованная Лиля. Вечно я что-то выдумываю. Охота была Артему тащиться ко мне в Питер. С глаз долой, из сердца вон.

И все-таки она с надеждой озирала толпу. Тщетно.

– Фу, слава Богу, садитесь скорее, – сказал встречавший.

– Куда мы едем? – поинтересовалась Лиля.

– Домой к Полине. В театр уже поздно. Да, я забыл представиться, меня зовут Сергей, фамилия, не удивляйтесь, Фауст.

– Фауст? – не удержалась от смешка Лиля. – А кличка у вас не иначе Мефистофель?

– Нет, – тоже усмехнулся он. – В школе меня звали…

– Погодите, я угадаю. Фауст-патрон?

– Откуда вы знаете? – удивленно покосился он на нее.

– Догадалась.

– Надо же…

У него было приятное интеллигентное лицо, пожалуй, даже красивое, только голос высоковат, решила Лиля. А у Артема голос низкий, волнующий, с такими обертонами…

– Как вы доехали?

– Да спала почти всю дорогу.

– Тогда какой смысл ехать дневным поездом?

– Так получилось. Сергей, а вы кто?

– В каком смысле?

– Почему мама попросила вас меня встретить?

– А, понял… Я сосед Полины. Ни к театру, ни кино отношения не имею. Как и вы, насколько мне известно?

– Да. Ну как мама?

– По-моему, прекрасно. Ждет – не дождется дочки. А вы на нее непохожи.

– Увы.

– Почему увы? – искренне удивился он.

– Мама такая красавица…

– Так и вы…

– Договаривайте, вы же хотели сказать: «Тоже не урод».

– О, как все запущено! Уверяю вас, Лиля, вы ничуть не хуже вашей мамы, просто как бы это сказать… Вы еще дичок, а мама ваша растение уже обработанное селекционерами. К тому же Полина гениально умеет играть красавицу. В этом вся соль. Возьмите у мамы несколько уроков и, уверяю вас…

– Да нет, тут нужен природный талант. А вы умный.

– Спасибо на добром слове. Ну вот мы и приехали. Полина говорит, вы еще не были в этой квартире.

– Не была.

– Вон видите на третьем этаже четыре освещенных окна, это вас ждут.

А вдруг Артем заявился прямо к маме, чтобы не проворонить меня, он же не знал, каким поездом я поеду…

Сергей донес ее чемодан до двери и позвонил. Дверь мгновенно открылась. На пороге стояла Софья Яновна, домоправительница, как называла ее мать и дальняя родственница.

– Лиля, деточка, наконец-то, заходи скорее, мамаша скоро будет, звонила уже, что едет! Выглядишь хорошо, не меняешься. Дай-ка, я тебя поцелую! – от Софьи Яновны вкусно пахло корицей.

– Сережа, заходите, Полина велела вас тоже к ужину звать. Жаль Юрия Мироныча в Питере нет.

– Спасибо, Софья Яновна, непременно, только пойду отгоню машину на стоянку.

– Идите, голубчик, может, уже и Полина прибудет.

Сергей ушел. Софья Яновна еще раз поцеловала Лилю.

– Пошли, покажу тебе твою комнату.

– Спасибо, но я хочу всю квартиру посмотреть.

– Да ты что! Полина меня убьет. Она сама хочет тебе все показать.

– Ладно, – засмеялась Лиля. Она уже поняла, что квартира обставлена на старинный лад, мебель сплошь антикварная. Впрочем, мама всегда любила антиквариат. В комнате, куда провела ее Софья Яновна, стояла красивая кровать-лодка из карельской березы с черным деревом, такой же туалетный столик, на полу лежал светлый ковер.

– Мать сказала, что это навсегда твоя комната.

– А шкаф тут есть? – полюбопытствовала Лиля.

– А как же. Только шкафа такого карельского она не нашла и вон что удумала.

В стене за изумительной красоты ширмой была едва приметная дверь, которая вела в просторную гардеробную.

– Прелесть какая!

– Давай, может пока разберешь вещички-то. Да заодно глянь, подарки уж тебя дожидаются. Короче, я на кухню, а ты тут разбирайся.

На кровати лежала красивая большая коробка. Лиля достала оттуда восхитительный светло-сиреневый пеньюар с ночной рубашкой. Голливуд, усмехнулась про себя Лиля. А в гардеробной на плечиках висел махровый розовый халат, мягкий и воздушный. Еще там обнаружились такие же тапочки. Хотелось немедленно облачиться в эту прелесть, но Лиля была уверена, что кроме Сергея, мама кого-нибудь еще непременно притащит к ужину. Она быстро распаковала чемодан, достала подарки для матери, Мироныча и Софьи Яновны. Быстро сменила свитерок на легкую кофточку, причесалась и слегка подкрасилась. Да, мама не даст мне скучать и к чертям собачьим всех мужиков.

Раздался звонок в дверь. Она прислушалась, узнала тенорок Сергея. Надо бы выйти к нему… А впрочем, можно и не спешить. Но тут в дверь опять позвонили, два раза. Мама! Лиля выскочила в прихожую.

– Лилёнок!

– Мамочка!

Они бросились друг другу в объятия.

Полина Сергеевна как всегда выглядела ослепительно. Шикарный бледно-зеленый костюм, сногсшибательная шляпа (она обожала шляпы), высоченные каблуки, безупречный макияж и это после тяжелого трудового дня.

– Мамочка, ты как всегда красавица!

– Да ладно, Лилёнок! Как я счастлива, что ты здесь! О, Сережа, спасибо большущее, что встретили дочку.

За матерью в квартиру вошло еще несколько человек.

– Лилечка! Девочка, не узнаешь меня? – воскликнула глубоким прокуренным голосом дама в черном плаще.

– Ох, тетя Сима! Откуда вы? – обрадовалась Лиля старой маминой подруге, актрисе Нижегородского театра.

– А я теперь в Питере, в Александринку позвали!

– Как здорово, тетя Сима!

С кем-то ее знакомили, кто-то говорил, что помнит ее «вот такусенькой», словом, привычная суета, всегда окружавшая маму.

Вскоре все собрались в столовой за огромным овальным столом, над которым нависал большой и очень уютный абажур золотистого шелка. Стол был накрыт торжественно, по всем правилам этикета. С ума сойти, думала Лиля, вспоминая годы, когда они только что не голодали. Правда и тогда бабушка не позволяла опускаться. «Имей в виду, Поля, если я увижу на столе газетку, я немедленно умру!» Правда, когда бабушка уезжала к сестре в Киев, они с мамой нарочно ели на газетке, смеялись, перемигивались и вообще вели себя как две подружки-второклассницы в отсутствие строгих родителей. При муже Лиля тоже строго блюла все правила. Вернусь домой, накуплю одноразовой посуды и буду есть на газетке, решила она. Куплю пива, воблы…

В дверь опять позвонили. Пришел сосед, в котором Лиля узнала знаменитейшего артиста Лисицына.

– Поля, прости за вторжение, но я просто не мог не поделиться, иначе меня бы разорвало! – со смехом заявил он. – О, какое общество! Может, я не к месту?

– Николай Николаевич! Вы всегда к месту, садитесь с нами, познакомьтесь, это моя дочь, Лиля.

Знаменитый артист глянул на Лилю глазом опытного бабника:

– Очаровательная девушка, просто ландыш!

– Ник. Ник, от чего вас могло разорвать? – напомнила тетя Сима.

– Ах да! Друзья мои, я услыхал по телевизору фразу! Вроде бы уже привык, что там говорят на кошмарном языке, но такое! Представьте себе, какая-то шмакодявка сказала про Пенелопу Крус: «Положение публичной женщины…»

Народ за столом грохнул.

– Это еще не все! Так вот «положение публичной женщины обязывает к присутствию большого количества макияжа на лице!» Ну, каково? Куда мы катимся? Я бы эту девку отовсюду выгнал поганой метлой!

– А у нее, скорее всего, имеется диплом!

– Тогда метлу надо бы сначала окунуть в нечистоты!

– Совершенно с вами согласна! – заявила тетя Сима. – Нас все-таки учили говорить по-русски, а сейчас… Вот на днях смотрела «К барьеру». Схлестнулись два интеллигента.

– Это не интеллигенты! – закричал Ник. Ник.

– Хорошо, согласна! Но формально, это были писатель, причем очень известный, и историк старого дворянского рода. Писатель говорил: «банты?», а историк: «мы понимаем о том, что…» Каково?

– Как хорошо, что я стар и скоро отойду в мир иной. Надеюсь, там еще говорят на нормальном русском. Скажите, откуда это?

Как давно я не была на таких вечеринках… думала Лиля. Какие все милые, веселые. Мама мудрая женщина… В первый момент я даже обиделась, а сейчас рада. Завтра поговорим, но завтра температура и накал будут уже не те… И это правильно. Мама думает, что я страдаю из-за развода. Да нисколько… И я уверена, что завтра она начнет убеждать меня обратить внимание на Сережу, потому и послала его встречать меня. Он, очевидно, холост или тоже разведен.

Но он совсем мне не нравится. Да и я ему, кажется, тоже. А Артем… Нет, Артем уже пройденный краткий этап, маленький эпизод. Он, конечно, герой, а актеры на героические роли редко играют в эпизодах…

Гости разошлись очень поздно. Лиля еще помогла убрать посуду и повалилась спать. Кровать карельской березы оказалась очень удобной. А мама так и не успела показать мне квартиру…

– Лилёнок, не спишь? – Полина Сергеевна в черной атласной пижаме юркнула под одеяло. – Лилёнок мой, здравствуй! Как же я рада, что ты тут!

– Мамочка! – Лиля прижалась к матери.

– Только без мерихлюндий! Договорились? Помнишь девиз?

– Вперед и с песней? – улыбнулась Лиля.

– Именно!

– Да я вовсе не развожу мерихлюндий, просто я рада, что приехала к маме, и мама у меня самая красивая на свете!

– Ох, Лилька, если б ты знала, чего эта красота в моем возрасте стоит!

– Я что-то не заметила вчера, чтобы ты в чем-то себе отказывала!

– Слава Господу, хоть этой проблемы у меня нет! Но все остальное… Знаешь, сколько стоят все эти кремы, лосьоны, сыворотки? Дикие тыщи! А фитнес-клуб, ужасти!

– Мамуля, но у тебя же есть эти тыщи, правда?

– Еще бы! Я сколько вкалываю! Иной раз говорю себе: не надо, не соглашайся на эту роль, ты такое уже сто раз играла и вообще, но отказаться не могу. Как вспомню нашу нищету, свою невостребованность, крем «Янтарь»…

– Крем «Янтарь»? Но ты же всех уверяла, что это самый лучший крем.

– Да, тогда я так считала, других-то не было, вернее, денег не было. Помнишь, у нас продавали крем «Пондс»? Он стоил четыре рубля, но я не могла его себе позволить.

– Мамуля, а Мироныч?

– Что Мироныч? Сегодня есть Мироныч, а завтра… Кто его знает, найдет молоденькую…

– Да он же тебя боготворит!

– Лилёнок, миленький мой Лилёнок! Рассчитывать лучше всего на себя! Как говорится, любовь любовью, а табачок все-таки лучше врозь. Ладно, это всё низкие материи. Расскажи про себя.

– Да и рассказывать нечего. Развелись тихо-мирно. И слава Богу.

– Лилёнок мой, я ведь даже толком не знаю, ты Дениса-то любила?

– Какое это теперь имеет значение, мамочка?

– Выходит, не очень-то и любила… Черт, что за жизнь, когда моя единственная дочка повзрослела, у меня только началась нормальная… черт, не знаю, как назвать… карьера, что ли? Лилёнок, ты прости меня, я ведь тебя фактически бросила…

– Ну что ты, мама, глупости, ничего ты меня не бросила, я всегда знала, что у меня есть мама и если что… Это, если хочешь знать, важнее ежедневной опеки. Вон у Милки мамаша, вроде как и опекает ее, а жить фактически не дает.

– Ты, правда, так думаешь? – встрепенулась Полина Сергеевна. – Не утешаешь меня?

– Нет, зачем?

– Знаешь, я очень счастливая женщина, хоть и поздновато ко мне все пришло, но… И у меня самая лучшая дочка на свете.

– Мам, перестань! А то мы сейчас обе разревемся, а лишняя влага вредит карельской березе.

– Ох, а я ж не показала тебе квартиру! Идем! О, почему ты не надела новую ночную рубашку?

– Да какая-то она слишком роскошная…

– Ничего подобного! И ты врешь, наверняка бережешь для любовника. Да, кстати, у тебя есть кто-нибудь?

– Только на примете, мама. А потому и говорить рано.

– Скажи мне только, сколько ему лет и чем он занимается?

– Лет ему, наверное, тридцать пять – тридцать семь.

– Что значит, наверное? Ты не знаешь?

– Нет. Я практически ничего о нем не знаю, мы только позавчера познакомились. И чем занимается тоже не знаю.

– А как зовут хотя бы знаешь?

– Имя знаю, а фамилию нет.

– Боже, это никуда не годится. И это никак нельзя назвать любовником на примете. Это просто мимолетное знакомство. Вот что, Лилёнок, обрати-ка ты внимание…

– На Сергея? Мне он не нравится.

– Но почему? Прелестный молодой человек, умница, превосходно зарабатывает, квартира у него – мечта! Окрутила бы его, глядишь, и жили бы в одном доме, ты только представь…

– Мамуля, я даже представлять себе не хочу брак ни с кем, хоть с Брэдом Питтом. Я хочу жить одна!

– Но как же одной, без мужчины?

– Мама, я не членозависимая.

– Как? – рассмеялась Полина Сергеевна. – Никогда не слыхала такого выражения. Очень метко. А я вот зависимая. Выходит, муж твой никуда не годился. А новый знакомый…

– С этой стороны я его тоже не знаю.

– Лилька, скажи, а ты когда-нибудь вообще влюблялась до потери пульса?

У Лили больно защемило сердце.

– Нет, мамочка. Пока нет.

– Это скверно. Хотя… Может и лучше так… А то бывает очень больно. Но тут, видно, ты не в меня. Ладно, пошли смотреть квартиру и завтракать! Кофе хочу – умираю!

Когда-то давно Лиля влюбилась, влюбилась до сумасшествия. Подруга Милка называла эту любовь «татаро-монгольское иго». Его звали Ринат Ахметшин. Красавец, мастер спорта, каскадер. Он был без памяти влюблен в ее мать, а мама лишь принимала его ухаживания. Он был моложе Полины Сергеевны, а у нее как раз тогда закрутился роман с ее третьим мужем, швейцарским бизнесменом, с которым она прожила всего полтора года. Но тогда, в период ухаживания, любовь молодого каскадера не вызвала у нее ответного чувства, и она не заметила, что дочь сохнет по нему. Он относился к Лиле как к сестре или доброй подружке. А Полине устраивал сцены ревности, достойные итальянской

комедии. Лилина любовь к Ринату была так сильна, что однажды она сказала матери:

– Мамочка, неужели ты не видишь, как Ринат тебя любит?

– Ах Боже мой, но я-то его не люблю!

– Тогда зачем ты обнадеживаешь его? Зачем приглашаешь в дом? И вообще…

– Лилёнок, он такой красавец! Это приятно для глаз, да и в общем-то лестно появляться с таким мужчиной. Но не более. Какие у меня с ним перспективы? Он остынет, влюбится в молоденькую… Не говоря уж о том, что я люблю Вернера. А почему это тебя так волнует? Ты сама в него влюблена, Лилёнок? Так ради Бога! Бери его себе! Мне не жалко, да и тебе он больше подходит. Молодой, горячий…

Легко сказать, бери! А как?

Но однажды, когда мама уехала в свадебное путешествие с Вернером, Ринат явился без звонка, с букетом васильков. Узнав об отъезде Полины Сергеевны, он впал в отчаяние, плакал и Лиля взялась его утешать. В результате этих утешений они оказались в постели. Лиля была девушкой, что повергло Рината в крайнее смущение, и утром он исчез. Лиля долго убивалась, но не искала его, а потом вышла замуж за Дениса, просто, чтобы забыть Рината. И года через два ей это удалось. А потом Лиля случайно узнала, что он уехал из страны. А куда – неизвестно. Но года три назад Лиля случайно услыхала разговор матери с ее московской подружкой, сценаристкой:

– Помнишь, Лорка, за мной ухаживал такой красавец-каскадер?

– Ахметшин?

– Ну да. Так вот я недавно его встретила…

У Лили замерло сердце.

– Да? Где? Он же, кажется, эмигрировал?

– Да! Я встретила его, когда была в Париже.

– Он все так же хорош?

– Не то слово. Тогда это был красивый мальчик-каскадер, а тут потрясающий мужчина-бизнесмен! Согласись, есть разница?

– И ты дала ему почувствовать эту разницу?

– Зачем так длинно? Я ему просто дала. Это что-то, Лорка! Фейерверк!

– Он был счастлив? Мечта сбылась?

– Мечта сбылась, а насчет счастья… загадка! Он вообще теперь такой… сфинкс! Но в постели…

– Это имеет продолжение?

– Да нет, он живет в Южной Африке, совершенно влюблен в тамошнюю природу, да и вообще зачем, я старше и не хочу…

– Ты пожалела, что раньше не уступила такому мачо?

– Нет! Но и об этой парижской эскападе тоже не жалею. Яркое впечатление!

Лиля тогда была в смятении. Но потом решила – в конце концов Ринат это далекое прошлое, а мама она и есть мама, и разговор не предназначался для ее ушей, недаром бабушка всегда твердила, что подслушивать последнее дело. Что ж, мама переспала с ним однажды и я тоже. Правда, у меня он был первым и не произвел какого-то сверх-впечатления в этом смысле… И меня он не любил. Вероятно, в Париже он маму тоже уже не любил, а просто сам себе доказал, что нет таких крепостей… Все, в общем-то, по справедливости.

– Ну, Лилёнок, какие планы? – спросила Полина Сергеевна после завтрака.

– Сама еще не знаю. Погода хорошая, может, прогуляюсь по Питеру, я люблю…

– Ничего подобного! У меня сегодня совершенно свободный день, знаешь, как сложно мне было освободиться? И мы поедем по магазинам.

– Зачем это? – испугалась Лиля.

– Я заглянула в твой шкаф! Это немыслимо, у тебя абсолютно депрессивный гардероб! Что это за цвета? Чистое безобразие. А цвет волос?

– Мама, но ты меня с таким цветом родила!

– Ну и что? Ошибки природы надо исправлять.

– Мама!

– Что мама? Я хочу, чтобы моя единственная дочь была еще лучше. Нет предела совершенству!

– Но чем тебе мои волосы не угодили?

– Их надо как-то… освежить, что ли. И стрижка у тебя не ахти. И макияж ни к черту.

– Да нет у меня никакого макияжа!

– Но вчера-то был! Ты неправильно красишь глаза. А руки. На что похожи руки?

– Мама, ты это для Сережи стараешься?

– Дуреха ты, я для тебя стараюсь! Хотя Сережа отличная кандидатура!

– Ага, Фауст!

– Ну и что? Тебе же не обязательно брать его фамилию!

– Все равно, меня все стали бы называть мадам Фауст.

– Тогда уж фрау Фауст. И чем это плохо?

– Мам, тебе не терпится меня пристроить?

– А тебе нравится быть разведенкой?

– А знаешь, пожалуй, нравится. Мне как-то легче.

Прекрасные глаза Полины Сергеевны легко налились слезами.

– Лилёнок, тебе было так плохо с Денисом?

– Если честно, мама, то… никак.

– Но почему же ты так долго терпела?

– По инерции… Многие так живут.

– Надо было родить.

– Денис ни за что не хотел детей.

– Подумаешь, большое дело! Родила бы и он еще был бы прекрасным отцом. Он же в сущности неплохой малый.

– Неплохой, – вяло согласилась Лиля. – Но не мой.

– О, милая моя, если ждать свою вторую половинку, можно всю жизнь профукать! И лучше не сидеть сиднем, а действовать методом проб и ошибок.

– Как ты?

– Хотя бы!

– А Мироныч твоя половинка?

– Не исключено! Но во всяком случае я живу с ним уже восемь лет, и он дал мне ту жизнь, которая мне нужна.

Лиля мучительно соображала, как бы потактичнее перевести разговор, она терпеть не могла подобных бесед именно с матерью. Мать всегда пыталась повернуть ее жизнь по-своему. И неужели она не помнит, как настаивала на браке с Денисом? Поразительно.

– Лилёнок, не куксись, тебе не идет. И вообще, хватит трепотни, поехали! К вечеру ты сама себя не узнаешь!

Лиля только плечами пожала. Бороться с мамой бесполезно. Но в тоже время ей было приятно почувствовать себя маленькой девочкой, которую мама водит за ручку.

– Помнишь, как ты не желала ни за что стричься?

– Да, я ревела, а ты волокла меня за руку. Было так обидно…

– А помнишь, ты качалась на стуле, а мы с бабушкой одновременно тебя шлепнули? Вот ты вопила!

– Еще бы не помнить.

И они пустились в путь. В какой-то момент Полина Сергеевна взмолилась:

– Я должна выпить чашку кофе! И передохнуть. С тобой тяжело, Лилька, ты все время артачишься. Скажи-ка, а как у тебя обстоят дела на работе?

– Похоже работа скоро накроется медным тазом. Ну и пусть, там противно… И скучно.

– Что, нечего делать? – удивилась Полина Сергеевна.

Лиля работала в пиар-отделе крупного издательства.

– Да нет, работы хватает, но ее не хочется делать. Все хорошие идеи рубятся на корню. Пришел новый зав. отделом, и решил все поставить с ног на голову, как будто мы все кретины недоделанные, а он один все знает. До него было лучше, я с удовольствием ходила на работу, а теперь… Требуют сами не знают чего, но ты вынь да положь. А спросишь, что, собственно, надо сделать, отвечают: вам за это деньги платят, должны сами знать. Многие уже ушли…

– Значит, ты за эту работу не держишься?

– В принципе нет, хотя я привыкла и к людям и к месту, мне недалеко…

– Лилёнок! Ты должна перебраться в Питер! Думаю, твою квартиру продать можно очень хорошо и купить что-то здесь, мы с Миронычем поможем. Он найдет тебе работу!

– Мама! – поморщилась Лиля. – Я не хочу!

– Ладно, там будет видно!

Полина Сергеевна не зря старалась – к вечеру Лиля себя не узнала. Пушистая светлая головка, новый макияж придали лицу некую загадочность. Мама еще требовала, чтобы ей закачали в губы какую-то гадость, но тут Лиля встала на смерть.

– Ни за что! Не могу видеть этих губастых баб! Они все на одно лицо. Не желаю!

– Тогда нужна более яркая помада!

– Хорошо, – согласилась Лиля. В конце концов помаду несложно поменять, но как ни странно она вдруг себе понравилась. И попросила научить ее красить глаза так, как это сделал стилист.

– Фу, Лилька, я устала бороться с тобой! Легче сняться в двух сериалах и сыграть спектакль! Ты упрямая. И в кого ты такая?

– Самой хотелось бы наконец узнать, в кого!

– Брось! Я уж говорила, что не знаю! Не надо мне напоминать о грехах моей юности!

– А то сейчас ты не грешишь?

– Бывает, но редко. Времени совсем нет! Знаешь, как ни странно, ты стала похожа на Одри Хепберн, отдаленно, но все же… Ты очень интересной можешь быть, Лилёнок! Значит, Сережа тебя не взволновал?

– Ни капельки!

– Ладно, будем искать!

И Полина Сергеевна взялась за дело. За неделю Лиле было представлено еще трое кандидатов, но ей никто не понравился. Она всех сравнивала с Артемом, и сравнений никто не выдержал. Выходит, я все-таки влюбилась в него, пришла к выводу Лиля. А вскоре ей захотелось домой. В доме матери было слишком многолюдно. Мама постоянно кому-то поручала развлекать Лилю, а ей хотелось побыть одной. Она уже считала дни до отъезда.

Как-то утром, мама уже умчалась на съемки, Лиля пила кофе в гостиной и смотрела телевизор.

– Лиль, тебя к телефону, – сообщила Софья Яновна.

– Кто?

– Почем я знаю?

– Алло!

– Лилия Андреевна?

Неужели? Сердце ушло в пятки.

– Да. Кто это? – она с трудом взяла себя в руки.

– Это Артем. Помните, вы спасли меня…

– Артем? Да, конечно, помню. Но как вы меня нашли?

– Я же знаком с вашей мамой, забыли? Знаю ее телефон. Я приехал в Питер по делам и вот решил позвонить, вдруг вы еще здесь. И мне повезло! Лиля, давайте встретимся сегодня.

– Давайте! – сердце буквально выпрыгивало из груди от радости.

– Когда и где?

– Ну, я не знаю…

– Хорошо… Через час на Аничковом мосту, годится?

– Годится!

– Все, до встречи, Лилечка!

Она вскочила и кинулась в свою комнату. Открыла шкаф, где висело несколько новых, недепрессивных нарядов. Погода стояла чудесная, солнечная. Значит, наденем узенькие белые брючки, белую тонкую блузочку, а сверху бирюзовую летящую тунику, туфли на высоченных каблуках! Блеск! Она накрасила глаза, губы.

– Софья Яновна, я ухожу!

– Ух как начепурилась! Хороша, ничего не скажешь! Кавалер, что ль позвонил? Московский?

– Да!

– Где свиданка-то?

– На Аничковом мосту.

– Так времени еще вагон. Куда нестись-то? Успеешь! А мать твоя права была, когда взялась за тебя. Ты красоточкой стала. А щечки-то небось и без краски горят! Что за парень-то? Дельный хоть? Не артист?

– Нет, не артист!

– И слава Богу. Насмотрелась я на артистов-то! Давно его знаешь?

– Да нет, совсем, можно сказать, не знаю, – радостно засмеялась Лиля.

– Красивый, да?

– Как бабушка говорила, видный!

– Холостой?

– Не знаю.

– Ох смотри, девка, с женатыми не вяжись, маета одна.

– Ах Боже мой, я вообще не хочу ни с кем вязаться. Я просто хочу погулять по Питеру с приятным человеком…

– Много ль ты на таких каблучищах-то нагуляешься? Скорее нагуляешь…

– Софья Яновна! – засмеялась Лиля.

– Ну и смех у тебя… Даже какой-то…

– Какой?

– Как у матери твоей, когда у ней течка бывает. Стыдоба одна! Ну иди уж, иди! Думала я, ты не в мать, а сейчас гляжу – той же породы, просто муж твой, видать, тебя приморозил. Иди, срамота! – Глаза ее при этом смотрели добродушно.

Лиля выбежала из дома. Ах, как хорошо! Солнце в Питере это так прекрасно! Она быстро пошла вдоль Мойки, вспоминая строчки Александра Кушнера: «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки…» Больше она ничего не помнила. На Невском она глянула в витрину парфюмерного магазина и не узнала себя! Ой, а вдруг я не понравлюсь ему в этом новом облике? А вдруг он мне, такой, не понравится? Нет, он мне уже понравился! Вон, Софья говорит, что я маминой породы, а мама неотразимая женщина. Причем эта ее неотразимость пришла к ней не сразу… А вон уже и Аничков мост. Кажется, я явилась первой? Ну и что? Плевать на все условности! Я-то пешком, а он мог в пробку попасть! И если он опять скажет мне: «Лиля, я хочу тебя!» Я отвечу: «Я тоже, Артем!» И если даже не посмеет, я первая ему скажу… Нет, так не будет. Конечно, он хочет, иначе зачем разыскал меня?

И тут она увидела его! Он стоял, то и дело поглядывая на часы. Он не узнавал ее. Он ждал другую Лилю, ту, прежнюю, которая сказала ему «цыц»!

– Артем! Вы меня не узнали?

– Лиля! Боже мой, что за волшебное преображение? Вы… Вы… Это не вы!

– Вы разочарованы? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Ну что вы… Лиля… Я просто сражен! Однако, мне надо привыкнуть к вам в этом новом облике… Скажите, а ваш муж…

– У меня нет мужа!

– Ваш бывший муж вас еще такой не видел?

– Нет! Артем, скажите, те придурки…

– Бросьте, они обо мне уж и думать забыли!

– А как ваша рана?

– Царапина! Зажила, на мне заживает как на собаке.

– Артем, мы так и будем стоять на мосту?

– Ох, простите, Лиля, у меня от вашего преображения мозги как-то расплавились. Есть идея…

– Слушаю вас!

– Погода уж больно хороша, может, покатаемся по Неве на пароходике, а потом где-нибудь пообедаем?

– С удовольствием!

– Лиля, а каблуки?

– Что каблуки?

– Вы на таких каблуках выдержите?

– А черт его знает… – засмеялась Лиля. – Я сдуру их надела, хотелось быть красивой…

Ой, что я несу? – испугалась она.

– Для меня? – спросил он тихо.

– Для себя. Хотя… и для вас тоже.

– Будем считать, что я все оценил. Но, может, забежать домой переобуться? Я, конечно, готов носить вас на руках…

– Ну, я даже не знаю…

Он видел, что ей не хочется снимать красивые модные босоножки.

– Хорошо, вам сейчас в них удобно? Нигде не жмет? Не натирает?

– Нет.

– Тогда сделаем так. Я думал дойти пешком до Невы, но раз такое дело, поймаем машину. На пароходике вы можете их снять, а дальше в зависимости от того, как будете себя чувствовать… Либо пойдем пешком, либо возьмем машину.

– Спасибо, Артем! Вы все понимаете… – смутилась Лиля.

– Ладно, пошли ловить такси. В Питере с этим хуже, чем в Москве. Но все же возможно.

Им повезло и вскоре они уже сидели на палубе речного пароходика.

– Как я люблю Неву… – сказала Лиля.

– А Москва-реку?

– Я вообще всякую воду люблю… Но Нева особенная.

– А Волга?

– Волгу я не видела.

– А Енисей вы видели? А Ангару? Вот где красота! Но красивее Байкала нет вообще ничего…

– Вы сибиряк?

– Нет, я москвич. Но в Сибири бывал.

– Но там красота другая, дикая, а Нева… Она по сути ведь тоже дикарка, а ее заперли в каменную клетку, и она бунтует… Эти наводнения… Смотрите, вода в

ней не похожа на воду других городских рек… Я видела, например, Рейн и Майн. Тоже красиво, но не то…

– А вы питерская?

– Нет, я тоже москвичка. Просто мама уже довольно давно переехала в Питер. Артем, а я ведь ничего о вас не знаю, даже фамилии.

– Позвольте представиться, мадам: Артем Васильевич Плетнев. По образованию геолог, работаю в Газпроме менеджером. Этой специальности обучался в Штатах. Разведен. Есть дочь десяти лет, зовут Вероникой. Дочь при разводе осталась с женой, но жена два года назад умерла, и теперь она живет со мной. Вот такие пироги, Лиля.

– Да, ответ исчерпывающий. А я…

– А вы развелись в день нашего знакомства, бывший муж кусает себе локти и вы самая очаровательная женщина, какую я встречал в своей жизни.

Он так подробно рассказал о себе, но не хочет больше ничего знать обо мне, тем самым как бы говорит: у нас может случиться роман, но роман без последствий, у меня есть дочь, жениться я не хочу, но надо же мне с кем-то спать, а вы, разведенная и бездетная, как нельзя лучше подходите на эту роль. Ну что ж, я тоже меньше всего хочу замуж, а уж тем более в такой ситуации, а закрутить роман… Тоже неплохо. Но настроение упало. И почему это все мужчины полагают, что все сразу во что бы то ни стало жаждут выйти за них и выставляют защитные сооружения. Это скучно.

– Так, а теперь ваша очередь рассказать о себе. Мне мало тех сведений, которые у меня есть! – улыбнулся он.

– Задавайте мне вопросы! – просияла она. Кажется, я поспешила с выводами.

– Вы кто по профессии?

– Я тоже менеджер, пиар-менеджер в издательстве.

– Любите свою работу?

– Работу – да, а вот обстановку, которая в последнее время там сложилась – нет, и подумываю сменить место… Хотя у нас чудесная команда сложилась, но… А впрочем, не хочу сейчас об этом говорить.

– А если я задам неприличный вопрос?

– Попробуйте!

– Сколько вам лет?

– Двадцать восемь, почти уж двадцать девять. А вам?

– Мне тридцать девять. Но вам я бы больше двадцати пяти не дал. Лиля, вы любите собак?

– Люблю.

– А кошек?

– И кошек. А почему вы спрашиваете? У вас есть кошки-собаки?

– Есть. Кот Респект и собака Уважуха.

– Как? – расхохоталась Лиля. – Респект и Уважуха?

– Да, это Вероника их так назвала.

– Весьма современно. Но погодите, я попробую угадать, какие они, ваши Респект и Уважуха.

– Интересно! – засмеялся он. Она так нравилась ему!

– Респект большой, породистый и очень важный, скорее всего рыжий, а Уважуха дворняжка, веселая и добродушная, некрупная, и вечно виляет хвостом. Брешет

заливисто и не всегда по делу.

– Лиля, вы что, их знаете? – вдруг испугался он.

– Откуда я могу их знать, я только что впервые о них услышала! А что, я угадала?

– В точности! Может, угадаете, какой она масти?

– Уважуха? Ну, она такая черно-коричневая с рыжими подпалинами и белой грудью, ушки мохнатые, торчком, но кончики обвисшие, а хвост пушистый, бубликом.

– Невероятно! Все в точности. Разве так бывает? – растерянно проговорил он, во все глаза глядя на нее.

– Понимаете, ваша дочка назвала их так не просто потому, что это модные словечки. У нее их вид вызвал определенную ассоциацию. И, вдобавок, у меня хорошо развито воображение.

– Но ведь породистый кот любой масти может быть важным?

– Послушайте, Артем, я не могу вам объяснить…

– А вы не ясновидящая?

– Да Боже сохрани.

– А как выглядит Вероника?

Лиля попробовала представить себе десятилетнюю девочку, пережившую развод родителей, смерть матери, наверняка, очень неглупую, достаточно развитую, видимо, с чувством юмора…

– Попробую. Она невысокая, на вас непохожа…

– Так, так…

– Нет, больше ничего не могу сказать…

– Странно, кота с собакой угадали, а девочку нет… Она и вправду невысокая, но на меня здорово смахивает.

– Простите, Артем, а с кем же она сейчас, ваша дочка?

– С нянькой. Иного выхода просто нет. Я много работаю, часто уезжаю.

– А что, нет никаких бабушек, тетушек?

– Увы.

Глаза у него стали грустные. Он замолчал.

И кто меня за язык тянул, подумала Лиля. Еще решит, что я жажду выйти за него и воспитывать его дочь. Очень нужно! И она стала смотреть на воду.

Зачем черт меня дернул говорить о своих проблемах? Она теперь испугается. Хотя что я сказал? Да ничего, в сущности. Не скрывать же мне, что у меня есть дочь. Еще чего! Но какая она прелестная… как ей идет все, что на ней надето. И как хочется уложить ее в койку… Думаю, это не представит труда. Заморочу ей голову, проведу чудный день, ни о чем не думая, а в Москве встречу на вокзале, отвезу домой и она не станет кочевряжиться. Да и вряд ли будет особенно стремиться к браку со мной. Зачем ей чужой ребенок, она, небось своего жаждет. Муженек бывший производит впечатление эдакого любителя легкой жизни, наверняка, не хотел детей. Ей скоро двадцать девять, пора уж задумываться о детях… А я для этого не гожусь, мне бы Веронику вырастить.

И чего он так глухо замолчал? Обиделся? На что? Я же ничего такого не сказала… наверное, это больная тема… Зря он приперся в Питер… А так приятно все началось… Вот на первой же пристани сойду. Ну его…

– Лиля, вы когда едете в Москву?

– Послезавтра.

– У вас отпуск кончается?

– Нет, еще три дня будет. Но мама уезжает на «Кинотавр».

– А вас с собой не берет?

– Господи, зачем? – искренне удивилась Лиля. – Я терпеть не могу тусовки, а маму хлебом не корми.

– Или Полина не хочет демонстрировать столь взрослую дочь?

– Зачем вы так? Мама никогда меня не скрывала. Все знают, сколько ей лет, но она все равно самая красивая.

– Ох, простите, я сказал что-то не то…

– Почему? Просто повторили вполне стереотипное представление о красивой актрисе. А она, между прочим, очень хорошая мать. Трех женихов мне тут заготовила, – сказала она с улыбкой, решив свести разговор к шутке, но он вдруг побелел.

– И что? Как женихи? – недобро прищурился он.

– Разные…

– Выбираете?

– Да нет, я всех забраковала.

– Есть еще кто-то на примете?

– Нет. Я вообще о новом браке думать не желаю! Сыта по горло. И наслаждаюсь свободой! Могу делать что хочу, это так прекрасно!

– А что вы хотите сейчас, в данную минуту?

– Сойти на берег.

– Почему?

– Надоело!

– Что вам надоело?

– Да все! Вы тут сидите и думаете, как бы затащить ее в койку без последствий, а то она же непременно захочет замуж, а еще не дай Бог ребенка, а у меня уже есть дочь. И вообще я не хочу жениться… – разозлилась вдруг Лиля, сама себе удивляясь. Она всегда была тихой и предпочитала не идти на обострение.

– Лиля, вы чудо! Только все как раз наоборот!

– То есть?

– Я как раз мечтал бы на вас жениться, я чувствую, мы были бы хорошей парой, но… Вероника очень трудная девочка… Она уже избавилась полгода назад от одной… претендентки… А я вовсе не хочу подвергать вас таким испытаниям… А что касается койки… тут вы угадали. Сплю и вижу, как бы это осуществить.

Она вдруг засмеялась таким смехом, что у него дыхание остановилось.

– Лиля! – прошептал он хрипло. – Лилечка!

– Что?

Они сидели друг против друга. Он быстро пересел к ней и обнял за шею, прошептал внезапно пересохшими губами:

– Хочу тебя, только не вздумай сказать мне «цыц».

На палубе народу было совсем мало. Она на мгновение прижалась к нему. И шепнула:

– Послезавтра вечером я буду в Москве. Приходи.

– Я тебя встречу, да? Ты «Авророй» приедешь?

– Да.

Он коснулся губами ее шеи, она вздрогнула.

– Бабуля, смотри, дядька с тетькой целуются!

Возле них стоял мальчик лет четырех и с любопытством на них смотрел. Лиля отпрянула от Артема. Залилась краской и глупо хихикнула.

– А ну кыш отсюда! – добродушно произнес Артем.

– Молодые люди, постеснялись бы! – раздался сзади голос бабушки. – Тут как-никак дети!

– Действительно безобразие, сплошной секс, – сказал еще кто-то.

Артем хотел огрызнуться. Но Лиля легонько сжала его руку. Не связывайся.

На первой же пристани они сошли.

– Я жутко проголодался! – шепнул он. Это прозвучало до ужаса интимно. Лиля задрожала.

– И я, – так же интимно призналась она. Они посмотрели друг на друга и расхохотались, и мгновенно все существовавшие меж ними барьеры рухнули. Он взял ее за руку и куда-то повел.

– Ты куда меня ведешь, такую молодую?

– Я веду тебя в сарай, иди, не разговаривай! – в тон ей ответил он.

Они свернули за угол и Лиля увидела ресторан под названием «Караван-сарай».

– Ты знал?

– Конечно, я ж не строю из себя ясновидящего! Тут очень вкусно кормят.

– А шашлык тут дают?

– Любишь шашлык?

– Обожаю!

Однако ресторан был закрыт.

– Вот тебе и раз! – огорчился Артем. – Шашлык отменяется!

– А что будет? Чем ты будешь меня кормить?

Он на мгновение задумался.

– Я не так уж хорошо знаком с питерскими ресторанами. «Караван-сарай» знаю, поскольку контора, с которой я тут имею дело, находится рядом. На Невском, мне сказали, рестораны неважнецкие. Ох, я вспомнил один на канале Грибоедова, как раз возле мостика с грифонами! Едем туда!

– Знаю, я была там с мамой, там вкусно, только я не помню, как он называется!

– И я не помню!

Но они никак не могли поймать машину. Артем медленно закипал.

– Ну почему в Москве достаточно поднять руку, а тут… Да я с голоду подохну!

– Подожди, я сейчас!

Лиля подошла к немолодой женщине, которая как раз вышла из Художественного салона.

– Простите ради Бога, – улыбнулась она.

Женщина тоже улыбнулась.

– Вы не скажете, где тут неподалеку есть какой-нибудь приличный ресторан или кафе. Мы проголодались…

– Тут совсем рядом очень неплохое заведение. Сейчас пройдете метров двести и свернете направо. Там увидите. Называется «Фрау Грета».

– Спасибо большое! Артем, пошли, я все узнала, вон за тем углом ресторан «Фрау Грета».

– Там наверняка есть пиво! Ты пьешь пиво?

– Очень люблю, особенно темное.

– И я! Вот здорово!

С ним приятно идти, легко, Денис вечно меня обгонял, сердился… А с этим хорошо…

– С тобой хорошо идти, – сказал он, – в одном темпе получается…

– Я тоже об этом подумала, не со всеми так…

Ресторанчик «Фрау Грета» оказался небольшим, уютным.

– Вы вдвоем? – спросил добродушный толстяк – метрдотель.

– Да.

Он окинул их оценивающим взглядом и провел вглубь зала, к столику за увитой искусственной зеленью решеткой.

– Сразу просек, что мы влюбленная пара, – улыбнулся Артем. – Ведь мы влюбленная пара, да?

– Судя по тому, какие глупости мы говорим, безусловно, – счастливо засмеялась Лиля.

– Ты знаешь, что ты… прелесть?

– Надеюсь, этот вопрос не требует ответа?

Он покачал головой.

– Я сегодня уезжаю.

– Каким поездом?

– Стрелой.

– Я тебя провожу.

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы ты ночью возвращалась одна. Я просто не усну, а мне необходимо выспаться, у меня в Москве дел невпроворот и надо еще устроить так, чтобы я мог тебя встретить. Да, раз уж мы заговорили об этом, я хочу предупредить… У меня очень много работы, день практически ненормированный…

– У меня тоже.

– В издательстве? – удивился он. – Почему?

– О, у нас вообще все малопредсказуемо. Авторы разные бывают и столько начальства, что иной раз сам черт ногу сломит. Так что я далеко не всегда бываю свободна по вечерам. Презентации, то, се…

– А как твой… муж к этому относился?

– Ему иногда это было удобно.

– Но как я понял, обед у него всегда был? – засмеялся Артем.

– О, это святое! Мне бабушка внушала, что обед должен быть всегда. Но теперь – фигушки! Я могу поесть на работе.

– А я?

– Но у тебя же ненормированный рабочий день. Я приготовлю ужин, а ты не придешь?

– Лиля, я схожу с ума!

– Почему?

– Я просто не понимаю, как я мог раньше без тебя жить? Как будто и не жил…

– Мели Емеля, твоя неделя.

– А где Лилёнок? – спросила вернувшаяся вечером Полина Сергеевна.

– На свидание умчалась, – сообщила Софья Яновна.

– С кем?

– Не знаю, не доложилась. Позвонил ей кто-то роскошным баритоном, она вся засияла, начепурилась как на большой парад и унеслась.

– Интересно… Даже не сказала, когда вернется?

– Поля, она уже большая девочка.

– Большая… Увы… Но как тебе показалось, это старое знакомство?

– Откуда я знаю?

– А то ты не подслушивала по второй трубке! Так я и поверю!

– Ну, он сказал, что его зовут Артем и что она якобы его спасла от чего-то там… Да, он еще сказал, что знаком с тобой…

– Артем? – задумалась Полина Сергеевна. – Не помню такого, а впрочем, всех разве упомнишь… И в котором часу она ушла?

– Да не поздно, часу еще не было.

– Ничего себе, уже десять.

– Счастливые часов не наблюдают!

– Твоими бы устами…

– А ты позвони ей, только не говори, что я тебе рассказала.

– А, старая сплетница, боишься? – засмеялась Полина Сергеевна. – Но звонить не стану. Мало ли что там у них в этот момент… Девочка-то уж взрослая… Боже, как время летит, я ведь уже сто раз могла стать бабкой. Баба Поля… гадость какая…

– Ты есть-то будешь?

– А что ты мне предложишь?

– Куриную грудку с салатом и простоквашу с корицей.

– Простоквашу буду. А грудку не желаю! Скучно…

Лиля вернулась в половине одиннадцатого. Дверь ей открыла Полина Сергеевна.

– Лилёнок! Ты откуда?

– Мамочка, я так устала. Ноги просто отваливаются.

– Ты целый день шаталась на таких каблучищах? Или ты не шаталась?

– Я и шаталась и каталась, и сидела… – счастливым голосом ответила Лиля и рухнула в кресло.

– На чем каталась? Где сидела, а главное с кем?

– Мамочка!

– Где ты его взяла?

– Случайно познакомилась в Москве накануне отъезда.

– Расскажешь?

– Мама!

– Что, это роковая тайна?

– Да нет… просто я хочу сначала принять душ…

– Боже мой! Посмотри, как ты стерла ноги!

– Да? Ой, правда, а я даже не почувствовала…

– Немедленно в душ, возьми там антибактериальное мыло, а после душа сразу ко мне. Это надо немедленно обработать, не дай Бог заражение. У меня так было… Давай-давай, все остальное потом!

Как приятно, когда мама о тебе заботится! Надо же, я и не почувствовала, как ноги стерла… Совсем крыша улетела… А без крыши так здорово! И вообще, наверное с развода у меня началась новая полоса в жизни… Светлая…

Полина Сергеевна уложила дочь на свою кровать, протерла все стертые места спиртом, намазала какой-то мазью.

– Ну как?

– Приятно, мамочка!

– Теперь полежи минут пятнадцать, чтобы мазь впиталась. Бедные мои ножки. Дай мама подует… – она действительно подула. – Лилёнок, ты влюблена?

– Кажется, да.

– А он?

– И он, кажется, да.

– Я не про то, еще бы он в тебя не влюбился! Он кто, чем занимается?

– Работает в Газпроме, менеджером. А что он там конкретно делает, я все равно не пойму.

– Сколько ему лет?

– Тридцать девять.

– А звать его как?

– Артем. Артем Плетнев. Да, он сказал, что вы знакомы.

– Артем Плетнев… Нет, не припоминаю…

– Ой, дай мне мобильник, я его сфотографировала. Вот, посмотри.

– А, теперь вспомнила, у меня на лица память лучше, чем на имена. Мы действительно встречались, кажется, у Валевских. Интересный малый. Он женат?

– Мама, я замуж не хочу!

– Это другой вопрос. Все-таки он женат?

– Нет. Он в разводе. У него есть дочь, десять лет, мать ее умерла уже после развода. Вот тебе все сведения.

– Несчастный ребенок! Но тебе надо своих детей рожать. Давно уж пора.

– Мам, я ненавижу слово «надо»! Когда-то ты уверяла меня, что мне «надо» замуж! Я поверила. И что хорошего из этого вышло? Столько лет жизни коту под хвост!

– Ну, вот, я же и виновата!

– Нет, виновата я, потому что послушалась. А больше не хочу! Я буду жить не так как «надо», а как захочется.

– Ишь чего выдумала! – засмеялась Полина Сергеевна. – Не выйдет у тебя жить как хочется!

– Почему это?

– У тебя слишком развито чувство долга. Ты всегда найдешь приключения на свою изящную задницу!

Слава Богу, сосед попался неразговорчивый. Артем лег, закинул руки за голову, закрыл глаза и сразу увидел Лилину улыбку. Я женюсь на ней. Это чепуха, что она не хочет замуж. Захочет! А Веронику я сумею обломать! Надо только ее аккуратненько подготовить, потом познакомить с Лилей, Лиля наверняка ей понравится. Она такая обаятельная и, кажется, совсем неглупая… Ну, а не пожелает Вероника найти общий язык с моей женой, я отправлю ее учиться в Англию или Швейцарию. Ничего страшного. Пусть привыкает считаться не только с собой. Да и воспитание получит хорошее. А то я ее почти не вижу, а чему няньки научат, еще неизвестно. Да, правильно. Надо только поговорить с ней… Всякому человеку можно объяснить какие-то вещи, если набраться терпения. И любви. Именно любви Веронике, видимо, и не хватает и ей кажется, что если я женись, ей совсем ничего не останется… А я разве не люблю свою дочь? Да нет, люблю, конечно, просто не умею проявить эту любовь, боюсь рассиропиться, ее рассиропить… Мне самому мало досталось родительской любви, вот я и не умею… А Лиля, наверное умеет, судя по ее словам, Полина хорошая мать, и бабушка там добрая была… Черт, был бы у меня сын, наверное, было бы легче… Словом, загнобить Лильку я не позволю. А что Вероника Лариску изжила, так и слава Богу. По заслугам, как говорится. Дура набитая, вздумала с ребенком тягаться… Кто кого… С ребенком, конечно, надо тягаться, но с умом, а не так… Словом, все к лучшему в этом лучшем из миров, подумал он и крепко уснул.

Софья Яновна набила целую сумку всякими вкусными вещами. Пирожки, какое-то фантастическое блюдо из баклажан, жареная телятина, малосольные огурчики собственного засола.

– Господи, зачем? – ужасалась Лиля. – Это в дороге испортится!

– Не испортится, не волнуйся! А кавалера чем кормить будешь? Что у тебя в холодильнике есть? Пельмени из магазина?

– Какого еще кавалера?

– Да ладно, мне уж Поля сказала, что тебя кавалер встречает. Небось голодный будет. А ты его и покормишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-vilmont/cyc

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить